

Глава 1. Правовая база и ее изменение на протяжении века. Эффективность исполнения законодательной нормы

Очевидно, что для того, чтобы возникло судебное дело о колдовстве, необходимо прежде всего закон, позволяющий такому делу возникнуть.

На протяжении XVIII в. власть с завидным постоянством обращалась к проблеме колдовства, ни одно длительное царствование не обходилось в своем законотворчестве без указов на эту тему. Действующими актами на протяжении всего периода являлись: Устав Воинский 1716 г. и Морской Устав 1720 г., два именных указа Анны Иоанновны — 25 мая 1731 г. и 25 ноября 1737 г., статья 399 Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи 1775 г. и три статьи в Уставе Благочиния 1782 г. Есть еще два замечательных документа, крайне важных, но не являвшихся собственно действующими актами, это Проект нового уложения 1754 г. и Наказ Екатерины II Комиссии по составлению Нового Уложения 1767 г.

Законы против колдовства существовали и раньше, об этом достаточно написано (Левенстим 1906; Новомбергский 1907: 15–27; Харузин 1897), но юридическую основу процессов второй половины XVIII в. составляют именно эти законодательные акты, поэтому на них и остановимся.

Новая политика властей по отношению к народной религиозности определилась в царствование Петра I: с 20-х гг. XVIII в. государство видит свою задачу в том, чтобы упорядочить хаотичную сферу народной религиозности, определить и зафиксировать нормативные образцы поведения, а все остальное запретить и по

возможности искоренить. Такая политика характеризует всё XVIII столетие, так что разумно начать описание законодательных инициатив государства именно с петровского времени.

В царствование Петра I был издан целый ряд законодательных актов, посвященных многим аспектам религиозной жизни подданных, об этом подробно пишет А. С. Лавров (Лавров 2000). Многие практики и верования, которые являлись важной составляющей религиозной жизни, были запрещены. Под пресс новой политики попали чтимые ранее святые, иконы, считавшиеся чудотворными, мощи, практика подаяния милостыни, привычка приносить к иконам votivные изображения, а также и многочисленные практики, порожденные верой в возможность магического воздействия.

Собственно о колдовстве говорится в двух документах — Уставе Воинском и Морском Уставе. Согласно *Уставу Воинскому* «чародейство», наряду с «идолопоклонством», является преступлением прежде всего против Бога, и как раз в первой главе Устава «О страхе Божии» размещены соответствующие артикулы, т. е. разделы. Устав Воинский предполагает два важных момента. Во-первых, посредством чародейства можно причинить реальный ущерб кому-либо, и во-вторых — чародей может иметь договор с дьяволом: «...ежели оный своим чародейством вред кому учинил, или действительно с дьяволом обязательство имеет» (ПСЗ. Т. V. № 3006). В зависимости от наличия или отсутствия отягчающих обстоятельств, т. е. причинения вреда и договора с дьяволом, Устав предусматривает различие в степенях наказания — от сожжения до наказания шпицрутенами, хотя в реальности шпицрутены зачастую подразумевали смертельный исход. Наказание полагается не только чародею, но и тому, кто обращается к его услугам: «...кто чародея подкупит или к тому склонит, чтоб он кому другому вред учинил, оный равно так как чародей сам наказан будет» (там же). Смысл этого артикула раскрывается в толковании: «...что один чрез другого чинит, почитается так, яко бы он сам то учинит» (там же). Выглядит так, что обращение к чародею предосудительно не из-за чародейства как такового, а просто из-за того, что таким образом заказчик пытается причинить ущерб чужому здоровью или жизни. Чуть позже речь пойдет об известном указе 1731 года, который уже вовсе не акцентирует идею, что клиента волшебника нужно наказывать только тогда, когда имелся умысел на «повреждение здоровья». Напротив, этот указ жестоко преследует любое обращение к волшебникам, которое само по себе становится преступлением.

Четыре года спустя был издан *Морской Устав*. Распоряжения о колдовстве помещены в первую главу четвертой книги «О благом поведении на кораблях». Во многом они дословно повторяют ар-

тикулы Воинского Устава, но в толковании есть и кое-что новое: чернокнижие расположено здесь в одном ряду с отравлением: «...наказание сожжения есть обычная казнь чернокнижцам и тем, которые чрез отраву вред какой учинят» (ПСЗ. Т. 1. Ч. IV. № 3485).

На протяжении всего XVIII в. концепты *колдовство* и *отравление* выступают как объяснение нанесенного вреда здоровью и жизни. Если внезапно и без видимого насилия наступила смерть или ухудшение самочувствия, уместно вспомнить о колдовстве или отраве. До определенного момента эти концепты взаимозаменяемы, почти синонимичны, а со времени екатерининского царствования отравление постепенно становится рационалистской заменой колдовства.

Морской Устав предполагает, что письма и слова чародея-преступника могут содержать отречение от Бога или быть богохульными, и в таком случае его ожидает самое суровое наказание — костер. Но если нет богохульства и отречения, тогда это следует квалифицировать как «точию суеверные бредни», и наказание становится несколько мягче. В Воинском Уставе подобного разделения не было, и преступник квалифицировался как «суеверный и богохулительный чародей». Разъединение связки «богохульство-суеверие» происходит постепенно, и впервые видно в тексте Морского Устава.

Царствование Анны Иоанновны отмечено двумя именными указами: объявленный из Сената указ от 25 мая 1731 г. «О наказании за призывание волшебников и о казни таковых обманщиков» (ПСЗ. Т. VIII. № 5761) и указ из Синода от 25 ноября 1737 г. «О пресечении суеверий» (ПСЗ. Т. X. № 7450).

Указ 1731 г. направлен как против волшебников, так и против их клиентов, независимо от прочих обстоятельств, что дает некоторым исследователям повод оценивать его как свидетельство ужесточения преследования колдовства. Концепция же колдовства, которую рисует текст указа, довольно противоречива. С одной стороны, в тексте неоднократно упоминаются «мнимые волшебники» и «обманщики», «некоторые люди», которые «показывают себя будто они волшебства знают... за что получают себе немалые прибитки» (ПСЗ. Т. VIII. № 5761), — что ж, очень в духе грядущей эпохи Просвещения. С другой стороны, волшебство соплагается с понятиями греха и даже, может быть, ереси: это «душевредные способы», «богомерзские дела», то, чем занимаются «забыв страх божий и вечные за злые дела мучения». Любая польза от волшебства будет «мнимой и душевредной», и вообще, к волшебникам обращаются исключительно для «вспомоществования в злых своих намерениях», и волшебники как будто бы имеют какое-то «душевредное учение». Замечательно, что в данном указе впервые в российском законодательном дискурсе появляются

«простые люди» — именно они и являются клиентами волшебников: «обещаются простым людям чинить всякие способы, чего ради те люди и призывают их к себе в дома и просят о вспомоществовании». Дисциплинирующая интенция государства, вообще сильная в российском законодательстве, проявляет себя и в актах о колдовстве и суеверии. На протяжении всего XVIII в. «простым людям» будет навязываться роль носителей всевозможных заблуждений и суеверных мнений. При всей внутренней противоречивости, указ не предполагает никакого различия в степенях провинности: независимо от того, оказался бы человек волшебником настоящим или мнимым, его ожидала смертная казнь. Более того, аннинский указ предписывает крайне суровое наказание не только для волшебников (сожжение), но и для их клиентов (сожжение либо наказание кнутом, что фактически было смертным приговором для людей не слишком крепкого сложения).

Этими особенностями указа объясняется противоречивая оценка его в историографии. Например, Н. Н. Покровский (Покровский 1987: 246) и Е. Б. Смилянская (Смилянская 1987: 20) расценивают указ как признак смягчения отношения к колдовству в духе Просвещения, в то время как А. А. Левенстим (Левенстим 1906: 330) и А. С. Лавров (Лавров 2000: 363), исходя из прагматики указа, склонны считать его свидетельством ужесточения преследования колдовства. Как показывает исследование А. С. Лаврова (Лавров 2000: 364–365), число следственных дел резко возрастает во второй половине тридцатых годов, что как раз можно связать с изданием аннинского указа о волшебниках. Следует иметь в виду, что немногие указы были растиражированы так, как этот: он был отпечатан в огромном количестве — более семнадцати тысяч копий — и разослан по епархиям, где оглашался во всех местных церквях, так что, надо думать, степень осведомленности о нем подданных Российской империи являла собой пример редкой для того времени юридической подкованности.

Второй указ аннинского времени посвящен различным «суевериям», в число которых попадают кликушество, разглашение ложных чудес при иконах, колодцах и источниках, почитание «несвидетельствованных» мощей. Несложно заметить, что по сути указ является воспроизведением и подтверждением запрещений Духовного Регламента 1720 г. Духовные власти должны были следить, чтобы на подведомственной им территории не имели распространения суеверия, для чего устанавливалась стройная система доносительства, в своей основе также восходящая к нормам Духовного Регламента: «...чтоб о всех таковых и тому подобных суевериях и безобразиях удобнее можно было уведомлятися, того ради должен всяк архиерей в епархии своей, также и Московская Синодального Правления канцелярия и дикастерия и Санкт-

Петербургское духовное правление в ведомствах своих по всем городам определить закащиков, а им закащикам к каждой десяти церквам из священного чина десятона начальника, благочинных людей как бы духовных фискалов... а прочим всем священнослужителям и причетникам объявить с подписками, с жестоким подтверждением, дабы всего оного всяк в ведомстве своем надсматривали накрепко и повсевременно доносили о том» (ПСЗ. Т. X. № 7450). Наказанием за недоносительство было лишение должности.

Указ 1737 г. нам особенно интересен тем, что в нем нет ни слова о колдунах и что в число суеверий пока еще не попало волшебство (или мнимое волшебство или вера в него). Это произойдет позже, в последней трети XVIII в., а пока что колдовство в законодательном дискурсе представляет собой отдельный феномен, заслуживающий отдельного указа. Заметим попутно, что преступники — «суеверцы» этого указа — это активная часть, те, кто действуют (разглашают ложные чудеса, например). Мы увидим чуть позже, как ко времени Екатерины II за ними постепенно закрепляется термин «обманщики», а «суеверцами» станут те «простые люди», которых они обманывают.

В царствование Елизаветы не было опубликовано ни одного закона, касающегося колдовства или суеверия, но соответствующие статьи были в плане нового уложения (общего свода действующих законов). Известно, что план являлся приложением к указу от 24 августа 1754 г. «О сочинении по судебным местам проектов Уложения по плану прилагаемому и о представлении таких же проектов из коллегий с их мнениями и планами на рассмотрение Сената» (ПСЗ. Т. XIV. № 10283). Интересные нам предметы вынесены в четвертую часть плана, предполагалось создание следующих глав: «О богохулении», «О еретичестве и суеверии», «О колдунстве и волшебстве», «Об отраве», «О мошенниках».

В историографии сложилось мнение, что перелом государственной позиции в отношении к колдовству приходится именно на елизаветинское царствование (Левенстим 1906: 330; Лавров 2000: 5). Трудно утверждать наверняка, поскольку текста четвертой части Уложения не существует. Историк права В. Н. Латкин, который очень подробно описал деятельность комиссии (Латкин 1887), ничего не говорит о четвертой части, — возможно, она так и не была сочинена. Другой крупный историк права А. А. Левенстим (не ссылаясь, впрочем, на какие-либо исследования или документы) так передает содержание елизаветинского проекта: «...проект считает самих суеверов обманщиками и предписывает карать их кнутом или плетью» (Левенстим 1906: 31). По крайней мере, можно с уверенностью сказать, что речь больше не идет о сожжении. Что